

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

русской великой княгини Ольги св.

I.

«О происхождении этой бессмертной жены, о мѣстѣ ея рожденія, возрастѣ, образованіи и многихъ другихъ небольшихъ обстоятельствахъ, которыя такъ хотѣлось бы знать,—*никто ничего не знаетъ*». Такъ выразился Шлецеръ при сличеніи лѣтописныхъ и житійныхъ извѣстій объ Ольгѣ въ своемъ знаменитомъ «Несторѣ», изд. въ 1805—1809 гг. на нѣмецкомъ языкѣ, а въ 1809—1819 гг. въ русскомъ переводѣ Языкова ¹). Прошли десятки лѣтъ усиленнаго труда надъ разработкою начального періода нашей исторіи,—и замѣчаніе Шлецера пришлось повторить одному изъ наиболѣе свѣдущихъ и ученыхъ представителей этого труда М. П. Погодину, который выражается такъ: «о родѣ сунруги Игоря, великой княгини Ольги, бессмертной по многимъ отношеніямъ, до сихъ поръ не сказано было ничего рѣшительнаго» ²). Эти слова Погодина кстати поставлены эпиграфомъ къ новому ученому сообщенію объ Ольгѣ, предлагающему новое рѣшеніе вопроса о ея происхожденіи. Это сообщеніе достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, намѣстника Троицкой лавры, которому наука обязана уже многими, весьма цѣнными учеными открытіями, сообщеніями и изслѣдованіями въ области древней русской исторіи и письменности, преимущественно церковной. Оно предложено въ іюльской кн. «Русской Старины» за минувшій годъ ко времени бывшаго юбилея 900-лѣтія крещенія Россіи, въ статьѣ, существующей и въ отдѣльномъ изданіи, подъ заглавіемъ: *Откуда родомъ была св. великая княгиня*

¹) Часть II, стр. 594.

²) Изслѣд. замѣч. и лекція по русской исторіи. т. III, стр. 88. М. 1846 г.

русская Ольга? На это сообщеніе уже было обращено вниманіе печати при обзорахъ статей, брошюръ и изданій, вышедшихъ по поводу юбилейнаго празднества, но обстоятельнаго сужденія о немъ, сколько помнится, не высказано. Передадимъ вкратцѣ сущность новаго сообщенія о св. Ольгѣ.

Занимаясь описаніемъ рукописей покойнаго графа А. С. Уварова, о. арх. Леонидъ въ заирпомъ году нашель, въ одномъ историческомъ сборникѣ XV в., любопытный отрывокъ изъ древняго лѣтописца, гдѣ описываются въ сжатомъ видѣ событія русской исторіи съ 862 по 1174 г. (до смерти Андрея Боголюбскаго). Лѣтописецъ, по содержанію, можетъ быть названъ *владимірскимъ*, ибо въ немъ обращено особенное вниманіе на Владиміръ и его святыни. А время составленія его опредѣляется находящимся въ началѣ его «Родословцемъ» русскихъ князей, въ которомъ послѣднимъ упоминается сынъ Иоанна III Иванъ Младой, сконч. въ 1490 г., слѣдовательно, лѣтописецъ писалъ *въ исходѣ XV в.* Неизвѣстный лѣтописецъ въ изложеніи событій слѣдуетъ, очевидно, указаніямъ нашей первоначальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній, встрѣчающихся на первыхъ годахъ оной, а мѣстами дѣлаетъ весьма важныя и любопытныя *дополненія и поясненія* нѣкоторыхъ мѣстъ своего источника. Для примѣра приложень отрывокъ изъ лѣтописца, относящійся ко времени отъ Рюрика до Владиміра. Изъ этого отрывка взято ученымъ изслѣдователемъ для настоящаго сообщенія слѣд. мѣсто: *Игоря же жени (Олегу) въ Болмаряхъ, поятъ же за него князю, именежъ Ольгу. И бысть мудра вельми*. Далѣе затѣмъ описывается походъ Олега на Царьградъ.

Итакъ, по этому извѣстію, Ольга была родомъ *княжна изъ Болмаріи*. Изслѣдователь находитъ, что это извѣстіе наиболѣе достоверно. Этотъ выводъ уясняется и подтверждается слѣдующими соображеніями:

1) На вопросъ о родѣ Ольги дается, повидному, утвердительный отвѣтъ въ лѣтописи подъ 903 годомъ, гдѣ говорится: «Игоревъ же возрашю и хождаше по Олзѣ и слушаше его. И приведша ему жену отъ Плескова, именежъ Ольгу». Этотъ Плесковъ обыкновенно отождествляется съ русскимъ Псковомъ, который въ лѣтописяхъ также называется Плесковомъ. Замѣна древняго названія Плесковъ новымъ названіемъ Псковъ начинается еще съ Лаврентьевскаго списка лѣтописи, гдѣ подъ 903 г. стоитъ именно отъ *Пскова*, тогда какъ въ Ипатьевскомъ — отъ *Плескова*. Изслѣдователь полагаетъ, что вариантъ отъ

Пскова вмѣсто Плескова едва ли можетъ быть приписанъ начальному лѣтописцу. Скорѣе онъ принадлежитъ писцу XIV вѣка, т. е. Лаврентію, списавшему лѣтопись въ 1377 г., когда названіе Псковъ было извѣстно лучше, чѣмъ Плесковъ, ставшее уже только книжнымъ и уступившее мѣсто новому названію Псковъ. При томъ переписчику не мудрено было и не разобрать неизвѣстнаго ему слова, ибо подлинникъ, съ котораго онъ списывалъ, какъ извѣстно, былъ «ветшанъ».

Но съ наибольшею рѣшительностью тождество Плескова съ русскимъ Псковомъ утверждается въ явившемся въ XVI вѣкѣ пространномъ житіи Ольги, приписываемомъ извѣстному іерею Сильвестру, гдѣ говорится, что св. Ольгу «произведе Плесковская страна, иже отъ области царствія русскія земли, отъ веси нарицаемая Выбутской, близь предѣлъ нѣмецкія власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода ни княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Изслѣдователь указываетъ на голословность этого извѣстія, сообщеннаго безъ всякихъ ссылокъ на какое либо письменное свидѣтельство, а только на основаніи мѣстныхъ преданій, никѣмъ и ничѣмъ не провѣренныхъ. Въ частности, самая легенда о Выбутской веси, внесенная въ житіе, принадлежитъ къ циклу мѣстныхъ легендъ позднѣйшаго времени, когда св. Ольга уже сдѣлалась героиней народныхъ сказаній. Итакъ, устраняя позднѣйшій вариантъ Пскова вмѣсто Плескова и еще болѣе позднія прибавки пространнаго житія XVI в., мы остаемся при начальномъ извѣстіи, что Ольга была родомъ изъ Плескова.

2) Не оспаривая этого извѣстія, не слѣдуетъ однако удовлетворяться имъ и поискать разъясненія его, имѣя въ виду то обстоятельство, что въ началѣ X в. былъ лишь одинъ Плесковъ, городъ въ Болгаріи, по свидѣтельству Кодина, построенный Константиномъ В. близь Преславы ¹⁾, между тѣмъ, какъ о русскомъ Плесковѣ нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ.

3) Бездоказательное мнѣніе о русскомъ Псковѣ, какъ родинѣ Ольги, могло быть принято, надо полагать, только потому, что доселѣ не имѣлось въ виду ни одного свидѣтельства о томъ, чтобы до написанія пространнаго житія Ольги, т. е. до XVI в. существовало у нашихъ предковъ иное мнѣніе объ этомъ предметѣ, поясняющее или дополняющее сказаніе о томъ начальной лѣтописи. Теперь существованіе такого мнѣнія утверждается какъ фактъ, выражаемый

¹⁾ Ссылка на Шафарика (т. II, кн. 1, стр. 361).

именно извѣстіемъ владимірскаго лѣтописца о происхожденіи Ольги изъ Болгаріи, гдѣ и былъ тотъ, въ началѣ X в. единственный Плесковъ, который позже ошибочно отождествленъ съ русскимъ Псковомъ. Такимъ образомъ совокупноію свидѣтельствъ начальной лѣтописи о Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги, владимірскаго лѣтописца о происхожденіи Ольги изъ Болгаріи, при сопоставленіи ихъ съ указаніями на существованіе въ Болгаріи Плескова, положительно утверждается, что Ольга была родомъ изъ Болгаріи, изъ тамошняго города Плескова, и при томъ изъ княжескаго рода.

4) Утвердивъ такой выводъ, изслѣдователь дѣлаетъ еще два предположенія: а) русскій Плесковъ, позднѣйшій Псковъ, основанъ Ольгою по памяти о ея родномъ болгарскомъ Плесковѣ, во время поѣздки ея по новгородской области, о которой сообщаетъ начальная лѣтопись и о которой сохранились мѣстные преданія, а потомъ народное чувство псковитянь, пользуясь или побуждаясь тождественностью названія своего города съ названіемъ дѣйствительной родины Ольги, приурочило къ своему городу и самую родину Ольги, для возвеличенія его, какъ именно родины славной въ легендахъ и пѣсняхъ Ольги. б) Что касается до имени Ольги, то оно, въ замѣнъ прежняго славянскаго имени, могло быть дано ей Олегомъ, бывъ взято имъ отъ собственнаго имени.

5) Съ признаніемъ факта болгарскаго происхожденія Ольги получаютъ новое освѣщеніе слѣдующія два явленія нашей изначальной исторіи:

а) Присутствіе въ свитѣ Ольги, во время путешествія ея въ Царьградъ, пресвитера Григорія, роломъ, какъ оказывается, болгарина. Извѣстно свидѣтельство Константина Порфирогенета, что во время двухъ пріемовъ Ольги при дворѣ императорскомъ, въ свитѣ ея находился *παπᾶς Γρηγόριος*. О личности этого Григорія высказано было еще въ 1851 г. интересное мнѣніе кн. Оболенскимъ, извѣстнымъ издателемъ «Лѣтописца Переяслава Суздальскаго». Въ предисловіи къ этому изданію¹⁾ князь Оболенскій сопоставляетъ слѣдующія два указанія на личность Григорія: первое въ самомъ лѣтописцѣ Переяслава Суздальскаго. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ лѣтописныхъ сводахъ Лаврентьевскомъ и Ицатьевскомъ, при выпискѣ изъ служившей источникомъ для нашей начальной лѣтописи хроникки Георгія Амартола, читаются

¹⁾ Лѣтописецъ Переяслава Суздальскаго и предисловіе къ нему—во Временникѣ Имп. М. общ. ист. и др. 1851 г. кн. IX.

слова — *Георгій* рече въ лѣтописаніи, — въ лѣтописцѣ Переяславлѣ Суздальскаго читается: *Григорій* рече въ лѣтописаніи. Второе: въ заглавіи древняго славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы, также пзвѣстной древнему нашему лѣтописцу, говорится: «книги завѣта Божія Ветхаго, сказующе образы Новаго, истинну сущу, преложенныи отъ греческаго языка на словенскій при князѣ болгарскомъ Симеонѣ, сынѣ Бориса, *Григоріемъ* пресвитеромъ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей, повелѣніемъ того книголюбца князя Симеона, иначе же рещи боголюбца». Князь Оболенскій признаетъ, что Григорій переводчикъ Іоанна Малалы и Григорій Переяславскаго лѣтописца—одно и то же лице, т. е. что этотъ Григорій былъ переводчикомъ не только хроники Іоанна Малалы, но и хроники Георгія Амартола, такъ что нашъ начальный лѣтописецъ пользовался хроникою Амартола именно въ славянскомъ переводѣ Григорія пресвитера, славившагося своими переводными трудами при болгарскомъ царѣ Симеонѣ (888—927). Ссылаясь на эти указанія и выводы князя Оболенскаго, архимандритъ Леонидъ съ своей стороны присоединяетъ новое указаніе на Григорія, какъ переводчика хроники Амартола. Именно, въ древнѣйшемъ пзвѣстномъ намъ спискѣ переводной Амартоловой хроники XIII в. ¹⁾ съ лицевыми изображеніями, есть изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ, а на подножіи престола есть почти незамѣтная, мельчайшая надпись: «многогрѣшный рабъ Божій Григорій» — надпись, прибавимъ, открытая и прочитанная о. Леонидомъ. Затѣмъ, подобно князю Оболенскому, о. Леонидъ отождествляетъ Григорія, переводчика Амартоловой хроники, съ Григоріемъ, бывшимъ при Ольгѣ св. Съ признаніемъ болгарскаго происхожденія Ольги уясняется переходъ къ ней въ Русь изъ Болгаріи болгарскаго пресвитера Григорія и его положеніе при ней. Переходъ этотъ послѣдовалъ тогда, когда Болгарія по смерти царя Симеона стала клониться къ упадку, и многіе признаки указывали на близкій конецъ ея. Съ такими выводами объ Ольгѣ и Григоріѣ гармонируетъ мнѣніе, что Ольга была тайною христіанкою еще до путешествія въ Царьградъ, что туда отправлялась она не для брещенія, а для чего то другаго, всего вѣроятнѣе, для того, чтобы испросить своему сыну царскій титулъ, какой имѣлъ въ свое время Симеонъ Болгарскій, при которомъ прежде, на своей родинѣ, служилъ Григорій пресвитеръ. Этотъ Григорій, знатокъ и греческаго языка и византійскихъ обычаевъ,

¹⁾ Этотъ списокъ, бывший въ троицкой, нынѣ—въ библіотекѣ московской дух. академіи.

быть не только полезенъ, но и необходимъ для Ольги въ предстоявшихъ сношеніяхъ ея съ византійскимъ дворомъ, во время которыхъ Ольга держала себя съ достоинствомъ. б) Болгарскимъ происхожденіемъ Ольги — матери Святослава, объясняется усиленное желаніе его завоевать Болгарію и тамъ основать свою державу. Въ Болгаріи онъ видѣлъ страну, ему родную и считалъ себя имѣющимъ на нее болѣе правъ, чѣмъ византійцы. Даже то вѣроятно, что именно болгарскій пресвитеръ Григорій могъ внушить Святославу мысль завоевать Болгарію не для грековъ, а для себя.

Таково, въ главныхъ чертахъ, ученое сообщеніе достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, сосредоточенное на открытомъ имъ новомъ лѣтописномъ извѣстіи о родѣ Ольги. Интересъ извѣстія и выводовъ, устанавливаемыхъ чрезъ сопоставленіе его съ другими данными нашей начальной исторіи, понятенъ самъ собою. Выводы эти настолько симпатичны, что хотѣлось бы принять ихъ во всей ихъ совокупности ¹⁾. Удовлетворяя такому настроенію, присовокупимъ еще нѣсколько замѣчаній, могущихъ придавать правдоподобіе выводамъ, основаннымъ на новооткрытомъ извѣстіи владимірскаго лѣтописца. Прежде всего, пополнимъ слѣланное о. архим. Леонидомъ указаніе на болгарскій Плесковъ. Въ Болгаріи существовалъ городъ *Плискува*, о которомъ имѣются извѣстія у византійскихъ писателей. Левъ Діаконъ, описавшій, какъ очевидецъ, войну нашего Святослава съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ въ Болгаріи, говоря о первой битвѣ между ними у Доростола, замѣчаетъ, что Цимисхій, направляясь отъ Преславы къ Доростолу, взялъ городъ, называемый *Πλίσχορζα* ²⁾. Кедринъ (XI в.) въ своей хроникѣ, говоря о войнѣ Василія II Болгаробойца съ Самуиломъ болгарскимъ, сообщаетъ, что въ 1000 г. императоръ послалъ за Балканы войско подъ начальствомъ патриція Θεοδώραкани и протоспафарія Никифора Ксифіи и взялъ города Велкую и Малую Преславу и *Πλίσχορζα* ³⁾. Анна Комнина въ своей «Алексіадѣ», описывая походъ Алексѣя Комнина въ Болгарію, говоритъ, что императоръ пришелъ къ Вицинѣ и оттуда на разсвѣтѣ устремился на городъ *Πλίσχορζα*, взялъ его, потомъ пошелъ на крѣ-

¹⁾ Эти выводы, во всей ихъ совокупности или съ небольшими ограниченіями, уже и приняты нѣкоторыми рецензентами сообщенія о. архим. Леонида, въ числѣ ихъ и многоуважаемымъ г. Иловайскимъ (Историко-критическія замѣтки. Русскій Вѣстникъ. Декабрь. 1888 г.).

²⁾ Patr. Graeci edit. Migne, T. 117, p. 857.

³⁾ Ibid. T. 131, p. 541.

посль Симеона ¹⁾). Кодиць (XIV в.) въ своемъ сочиненіи о началѣ Константинополя и византійской имперіи, упоминаетъ о войнѣ Константина В. съ скивами при Дунаѣ и замѣчаетъ, что, побѣдивъ скивовъ, Константинъ В. построилъ тамъ города Преславу, Дистру (Доростоль), Плискуву и Константину (нынѣ Кюстенджил) ²⁾. Что Константинъ В. велъ войну съ скивами при Дунаѣ, въ которой помогали ему херсоняне, это довольно извѣстный историческій фактъ. Преданіе же о строеніи Константиномъ В. городовъ въ придунайской Скиѣи, кромѣ поздняго писателя Кодина, встрѣчается у Льва Діакона, который, впрочемъ, упоминаетъ только о построеніи этимъ царемъ Дистры, т. е. Доростола ³⁾. Итакъ, болгарскій городъ Плискува, однозвучный съ Плесковомъ, существовалъ, считался у византійцевъ древнимъ городомъ въ Скиѣи придунайской, находился по южной сторонѣ нижняго Дуная между Преславою и Доростоломъ, къ сѣверу отъ первой и къ югу отъ послѣдняго. Болгарская Плискува была извѣстна и нашимъ стариннымъ книжникамъ, о чемъ имѣется свидѣтельство отъ XIV в., на которое и указываетъ въ статьѣ архимандрита Леонида и о которомъ будетъ у насъ рѣчь ниже ³⁾. Здѣсь же къ изложеннымъ даннымъ о болгарской Плискувѣ присовокупимъ слѣдующее. Во время Олега русская держава почти примыкала къ той области Болгаріи, гдѣ находился этотъ и сосѣдніе съ нимъ названные выше города. У лѣвой стороны нижняго Дуная жили угличи и тиверцы, съ которыми Олегъ воевалъ въ 885 г. и которые съ той поры находились подъ его властію или въ союзѣ съ нимъ, потому что въ 907 г. участвовали въ походѣ его на Грецію. При такой близости южной границы Олеговой Руси съ границею упомянутой болгарской области представляется допустимою мысль о возможности сношеній Олега съ нею, которыя въ свою очередь открывали возможность привести оттуда жену для Игоря. Припомнимъ еще, что Святославъ привелъ изъ Болгаріи плѣнную гречанку и за ея красоту отдалъ ее въ жены Ярополку, отъ котораго она досталась Владиміру. А у Владиміра были жены болгарыня и чехиня, о которыхъ слѣдуетъ думать, что онѣ приведены были первая изъ Болгаріи, вторая

¹⁾ Ibid. Т. 131, р. 541.

²⁾ Ibid. Т. 157 р. 464.

³⁾ Ibid. Т. 117 р. 854.

⁴⁾ Въ означенномъ свидѣтельствѣ названіе Плискува переименовано въ названіе *Плмьска*. Переименованіе названія Плискува въ *Плесковъ* и на русскомъ говорѣ, конечно, вполне возможно. У болгаръ говорили *Преслава*, у насъ *Переяславль*.

изъ Чехиі, хотя лѣтопись не отмѣчаетъ времени и обстоятельство, при какихъ онѣ приведены. Чтѣ могли дѣлать Святославъ и Владиміръ, то, повидимому, могъ дѣлать и Олегъ, конечно, при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Олегъ, онекунъ Игоря, могъ искать для наслѣдника престола жены *княжескаго* рода и при томъ въ такой сосѣдней странѣ, населеніе которой было родственно съ населеніемъ бывшей подъ его властію Руся.

Само собою понятно, что приведенными данными о болгарской Плискувѣ и соображеніями о возможности приведенія Ольги изъ сосѣдней и единоплеменной Болгаріи—далеко еще не рѣшается дѣло. Предстоитъ такъ или иначе опредѣлить значеніе прямыхъ свидѣтельствъ о происхожденіи Ольги, къ которымъ теперь и переходимъ.

II.

Доселѣ были извѣстны слѣдующія свидѣтельства о происхожденіи Ольги:

1) Свидѣтельство начальной лѣтописи, говорящей, что Ольга была приведена *изъ Плескова*, какъ читается въ Ипатскомъ спискѣ, или изъ *Пскова*, какъ читается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Здѣсь возникаютъ три вопроса. Первый: есть ли послѣднее чтеніе, ясно отождествляющее Плесковъ съ Псковомъ, лишь позднѣйшій вариантъ, принадлежащій переписчику Лаврентію, писавшему въ 1377 г.? вмѣстѣ съ достопочтеннымъ авторомъ новаго излѣдованія о происхожденіи Ольги и мы находимъ это волюнѣ вѣроятнымъ, на основаніи тѣхъ же указаній и соображеній, какія приведены авторомъ, а также и другихъ, которыя обозначатся сами собой въ дальнѣйшемъ изложеніи. Но надо сознаться, что такой выводъ о чтеніи названія города, бывшаго родиною Ольги, почти не измѣняетъ дѣла. Съ признаніемъ за несомнѣнное, что чтеніе Плесковъ подъ 903 г. было начальнымъ чтеніемъ въ лѣтописи, возникаетъ второй вопросъ: что разумѣлъ лѣтописецъ, т. е. лѣтописецъ начала XII в., подъ тѣмъ Плесковомъ, изъ котораго, какъ онъ говоритъ подъ 903 г., приведена была Ольга? Безъ всякаго сомнѣнія онъ разумѣлъ *русскій* Плесковъ, т. е. позднѣйшій Псковъ. Лѣтописецъ стлчно поясняетъ самъ себя, когда, сказавъ подъ 903 г. о приведеніи Ольги изъ Плескова, затѣмъ подъ 947 г. говоритъ о Плесковѣ, какъ городѣ, находившемся въ сосѣдствѣ съ новгородскою областію, потому что говоритъ о немъ при описаніи поѣздки Ольги въ эту область, давая понять, что она

посѣтила при этомъ *Плесковъ*, гдѣ «сани ея стоятъ до сегодня»¹⁾. Впрочемъ общезвѣстно, что русскій Плесковъ носить это свое названіе и въ начальной лѣтописи, и въ ея продолженіяхъ по обонмъ синскамъ, и въ другихъ лѣтописяхъ до XIV в., когда въ перемежку съ нимъ выступаетъ новое названіе Псковъ, которое затѣмъ и утверждается²⁾. Но можетъ быть поставленъ и третій вопросъ: не могли ли ошибиться самъ лѣтописецъ въ своемъ представленіи о русскомъ Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги, которое усвоено отъ него и другими? Онъ писалъ въ нач. XII в., и могъ имѣть предъ собою болѣе древнюю запись о приведеніи Ольги изъ Плескова, но, не зная о болгарскомъ Плесковѣ, отождествилъ его съ русскимъ Плесковомъ, существовавшимъ *въ его время*. Но на какомъ основаніи будемъ приписывать лѣтописцу подобную ошибку? Чѣмъ исправимъ ее? Если бы мы имѣли какое либо *болѣе древнее* или по крайней мѣрѣ современное или даже только близкое ко времени лѣтописца свидѣтельство, что Ольга происходила изъ болгарской Плесковы, а не русскаго Плескова, то и тогда могъ бы быть еще вопросъ о томъ: какое изъ двухъ современныхъ свидѣтельствъ достовѣриѣе? А какъ такого свидѣтельства не имѣемъ, то не можетъ быть и рѣчи объ устраненіи яснаго свидѣтельства начальной лѣтописи о русскомъ Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги.

2) Тождественное значеніе съ свидѣтельствомъ начальной лѣтописи имѣетъ свидѣтельство «Проложнаго житія» Ольги XIV в., въ которомъ говорится: си блаженная Ольга, родомъ *Пльсковытъми*³⁾. Вообще не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что авторъ житія назы-

¹⁾ Въ статьѣ „Откуда была родомъ св. Ольга?“ замѣчается, будто выраженія „а се сани ея въ Плесковѣ“ нѣтъ въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, что поэтому не было его и въ начальной лѣтописи. Но это случайный недосмотръ. Указанное выраженіе есть въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, какъ есть и въ другихъ лѣтописяхъ. Что касается до самыхъ этихъ саней, то вопросъ о нихъ пока неваженъ; важны намъ пока не сани, а Плесковъ 947 г., поясняющій значеніе Плескова 903 г.

²⁾ *Плесковъ* часто пишется въ лѣтописи *Пльсковъ*, отсюда и образовалось сокращенное названіе Псковъ. Прямѣровъ подобнаго переименованія древнихъ названій городовъ есть довольно. Древній *Полотескъ* переименованъ въ *Полоцкъ*, *Видбескъ* — въ *Витебскъ* и т. под.

³⁾ Новѣйшее изданіе этого житія есть изданіе г. Соболевскаго въ его трудѣ „Въ память исполнившагося 900 лѣтій со времени крещенія Руси“, помѣщ. въ „Чтеніяхъ въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца“ кн. II. отд. II стр. 67—68. Кіевъ 1888 г.

ваетъ Ольгу такъ по русскому, а не по болгарскому Плескову. Если бы у него существовало представленіе о болгарскомъ происхожденіи Ольги, то онъ скорѣе назвалъ бы ее *болмарыня*, какъ называетъ лѣтопись женъ Владиміра: *грекиня*, *болмарыня*, *чехиня*. Только при представленіи о русскомъ происхожденіи Ольги, авторъ житія могъ назвать ее *плсковитянкою*, т. е. назвать по городу, а не по странѣ не по національности.

3) Слѣдующимъ послѣ лѣтописи и древняго, краткаго проложнаго житія должно быть поставлено свидѣтельство втораго, или позднѣйшаго проложнаго житія ея, съ которымъ находится въ связи еще болѣе позднее и пространное житіе ея, помѣщенное въ Макарьевской Четьи-Миней и въ Степенной книгѣ. Второе проложное житіе извѣстно въ рукописи XVI в., по которой оно издано преосвященнымъ Макаріемъ ¹⁾. Начиная рѣчью о родѣ Ольги, житіе повѣствуетъ: «святая великая княгиня Ольга родися въ Плесковской странѣ в веси, зовомыя Выбуто. Отца же имѣяше некрещенна суца, такожь и мать некрещену отъ языка варяжска; и отъ рода не княжеска, ни отъ вельможъ, но отъ простыхъ быше человекъ. О имени же отца и матери писаніе нигдежь изъяви». Житіе Ольги, помѣщенное въ Макарьевскихъ Четьи-Минейхъ подъ 11 іюля, есть только болѣе распространенное повтореніе проложнаго житія. Но повторяя слово въ слово сейчасъ приведенное начало послѣдняго и въ частности то замѣчаніе, что «о имени отца и матери Ольги писаніе нигдѣ же не изъяви», минейное житіе прибавляетъ: «но токмо *въ повѣстьяхъ многихъ* обношашеся о рожденіи ея, яко Выбутская весь изнесе Святую и породы». Къ замѣчанію, что Выбутская весь находилась близъ Пскова, присоединяется: граду оному тогда не суцу» ²⁾. Преданіе о происхожденіи Ольги изъ веси Выбутской пространно разработано въ новомъ житіи Ольги, которое помѣщено въ «Степенной книгѣ» ³⁾, и приписывается однимъ изслѣдователями знаменитому при Грозномъ священнику Сильвестру, другими—священнику Василию, въ монашествѣ Варлааму, извѣстному своими житійными, часто баснословными, сказаніями, въ которыхъ обильно упражнялся онъ при архіеп. Макаріѣ въ Новгородѣ и Псковѣ ⁴⁾. Распространяя извѣстіе пролож-

¹⁾ Истор. русск.церкви. Т. I. стр. 87 и приложение № 5. Изд. 2-е. Спб. 1868 г.

²⁾ У Погодина, Изслѣдов. по русск. ист. Т. III. стр. 90 М. 1846 г. Таташевъ. II, 373.

³⁾ Ч. I. стр. 6—11.

⁴⁾ Сильвестру приписываетъ это житіе Погодинъ, ссылаясь на то, что въ одной рукописи житіе озаглавлено: „Житіе великія княгини Ольги, списано любо-

наго и минейнаго житія о происхожденіи Ольги, авторъ новаго житія выражается, что «святую Ольгу произведе плесковская страна, пже отъ области царствія русской земли, отъ веси, именуемыи Выбутской, близъ предѣлъ Немѣчскіи власти жителей, отъ языка Варижска, отъ рода ни княжеска и ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Затѣмъ слѣдуетъ подробный, очевидно, сочиненный, но не лишенный интереса по своей правоучительной подкладкѣ рассказъ о томъ, какъ послѣдовало первое знакомство Игоря съ Ольгою, заронившее въ молодомъ княжичѣ любовь къ ней, тогда простой дѣвушкѣ, и поведшее къ женитбѣ его на послѣдней ¹⁾. Въ приведенныхъ житійныхъ сказаніяхъ о происхожденіи Ольги отмѣтимъ слѣдующія стороны: а, установившееся представленіе о русской плесковской странѣ, какъ родинѣ Ольги. Безъ сомнѣнія, оно установилось на основаніи свидѣтельства начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ Плескова и даетъ видѣть, что подъ нимъ разумѣлся именно русскій Плесковъ, или Псковъ, какъ разумѣлъ переписчикъ Лаврентьевской лѣтописи, писавшій въ 1377 г. и, безъ сомнѣнія и самъ начальный лѣтописецъ XII в. б) Но замѣна Плескова находившимся близъ него селомъ Выбутино есть уже плодъ собственнаго домысла авторовъ житійныхъ сказаній, который однакоже долженъ былъ имѣть въ чемъ либо для себя опору или поводъ. Такою опорой или поводомъ могло быть мѣстное устное или письменное преданіе. И оно существовало и при томъ было довольно давнимъ и распространеннымъ: минейное житіе XVI в. выражается, что въ *повѣстьхъ мноихъ* обнопашесе, яко Выбутская весь инесе святую (Ольгу) и иороди». Откуда взя-

---

мудрымъ пресвитеромъ Сильвестромъ царствующаго града Москвы». (ib. III, 89; IV, 40). Василию усвоаетъ это житіе преосв. Филаретъ (Житія русск. свят. Іюль. 11 день), имѣя въ виду страсть Василія къ баснословію, которымъ переполнено и это житіе.

¹⁾ Молодой Игорь былъ на охотѣ въ плесковской области на р. Великой. Замѣтивъ «ловъ желанный» на другой сторонѣ рѣки, онъ позвалъ стоявшаго у того берега лодочника съ лодкой и велѣлъ перевезти себя на тотъ берегъ. Плыва въ лодкѣ, князь замѣтилъ, что лодочникъ—дѣвушка и—весьма красивая. Прельстившись на нее, Игорь позволялъ себѣ нескромныя рѣчи. Дѣвушка—то была Ольга,—умнымъ и смѣлымъ отвѣтомъ пристыдила молодого князя, грозя выѣсть съ тѣмъ, что она бросится въ воду и утонетъ, если онъ не уймется. Игорь тотчасъ унялся и уже не могъ забыть Ольги. Когда пришла ему пора жениться и думали отыскивать невесту ему, Игорь вспомнилъ о плесковской дѣвушкѣ—перевозчицѣ, и послалъ за нею Олега. Приведенная съ великою честью, Ольга стала женою Игоря.

лось это преданіе, обносившееся въ повѣстѣхъ многихъ, т. е. въ письменныхъ сказаніяхъ объ Ольгѣ? По всей вѣроятности, первую основную его послужили сохранившіеся въ Ник. лѣтописи двѣ записи о *Будутинѣ*, какъ селѣ Ольги, въ которое она сослала было мать Владимірову, Малушу, и которое, «умираючи завѣщала св. Богородицѣ», т. есть какой то Богородичной церкви ¹⁾. Весьма вѣроятно, что эти записи, хотя, встрѣчающіяся уже въ поздней лѣтописи, какова Никоновская, взяты изъ какихъ либо другихъ лѣтописныхъ записей. Что касается до самаго села Выбутина, то подъ нимъ обыкновенно разумѣютъ село *Любуты*, *Выбуты*, или же село *Буденинѣ*: оба села извѣстны по близости Пскова и въ позднѣйшія времена и связываются въ мѣстныхъ преданіяхъ съ именемъ Ольги ²⁾. Наконецъ, поощреніемъ къ перенесенію родины Ольги съ Пскова на близъ лежащее отъ него село Выбутино служила мысль, высказываемая въ минейномъ житіи, что самый городъ Псковъ еще не существовалъ во время женитьбы Игоря на Ольгѣ, и развившаяся въ связи съ мыслью, проводимою въ Степенной книгѣ, что городъ этотъ основанъ уже Ольгою, когда она была уже христіанкою. Къ домыслу о Выбутской веси, какъ родинѣ Ольги, присоединяется въ житійныхъ сказаніяхъ XVI в. другой домыселъ—о томъ, что она происходила не изъ княжескаго, ни изъ вельможескаго рода, но отъ простыхъ людей. Если первый домыселъ могъ имѣть свою опору въ преданіи о Будутинѣ, какъ селѣ Ольгиномъ, то второй есть, безъ сомнѣнія, уже просто собственный, личный домыселъ одного изъ авторовъ сказаній, усвоенный послѣ него и другими. Онъ явился, какъ естественный выводъ изъ перваго домысла: если Ольга происходила изъ села, то она и была поселянка, простая сельская дѣвушка. Такой выводъ поощрялся и тѣмъ, отмѣчаемымъ въ житіихъ обстоятельствомъ, что объ именахъ отца и матери Ольги «нигдѣ же писаніе изъяви». Слѣдовательно, это были люди безвѣстные, простые.

4) Однако же вмѣстѣ съ этимъ утверждается, что Ольга была «варяжскаго рода». Это утвержденіе не гармонируетъ съ мыслью о простонародномъ происхожденіи Ольги, ибо варяги принадлежали у насъ не къ простонародью, а къ высшему классу. Авторы житій или забыли объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, или, что вѣроятнѣе, вынуждались къ признанію Ольги варяжкою самимъ именемъ ея, од-

¹⁾ П. собр. русск. лѣт. IX, 135, 154.

²⁾ М. Евгения, Исторія княж. псковскаго, стр. 10.

нозвучнымъ съ именемъ Олега, котораго считали варягомъ такъ же, какъ Рюрика и Игоря.

5) Слѣдующимъ затѣмъ свидѣтельствомъ о происхожденіи Ольги можетъ быть поставлено приводимое Татищевымъ свидѣтельство бывшаго у него въ рукахъ *раскольниковъ списка* лѣтописи, гдѣ сказано, что Ольга была приведена *изъ г. Изборска*. «И сіе право, прибавляетъ отъ себя Татищевъ, ибо Пскова тогда еще не было ¹⁾». Возможно, что Татищевъ повторяетъ здѣсь мысль самаго составителя раскольниковскаго списка лѣтописи, т. е. что самъ этотъ составитель, позволявшій себѣ, подобно авторамъ житійныхъ сказаній, вносить свои домыслы въ списываемую лѣтопись, перенесъ родину Ольги, съ Пскова на Изборскъ, извѣстный еще при Рюрикѣ.

6) Бóльшею оригинальностью отличается показаніе о родѣ Ольги такъ называемой Іоакимовой лѣтописи, оглашенной Татищевымъ. Теперь можетъ считаться установленнымъ, что эта лѣтопись, отнюдь не будучи тѣмъ, за что выдаетъ ее Татищевъ, не есть однако-же и выдумка Татищева, что сказанія, послужившія матеріаломъ для нея, были въ обращеніи у нашихъ старинныхъ книжниковъ еще въ XVI—XVII вв. Лѣтопись эта представляетъ собою одинъ изъ первыхъ опытовъ переработки нашей начальной исторіи въ своего рода славянофильскомъ направленіи съ помощью баснословія и съ подражаніемъ въ этомъ смыслѣ польскимъ лѣтописцамъ. Іоакимовская лѣтопись начинается первобытною исторію славянъ и славянскихъ князей отъ ближайшихъ потомковъ Іафета. Въ числѣ ихъ она знаетъ князей Славяна и Сквеа, изъ коихъ первый, послѣ многихъ походовъ и подвиговъ, возобладавъ на сѣверѣ, гдѣ создалъ великій городъ Славянскъ въ землѣ сѣверо-русскихъ славянъ. Въ теченіи многихъ столѣтій здѣсь владѣли сыновья, внуки и потомки Славяна. Изъ послѣднихъ наиболѣе прославился далекими походами и обширными завоеваніями Вандавъ, княжившій въ томъ же великомъ городѣ Славянскѣ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей — Избора, Владиміра, Столпосвята, изъ коихъ первый по смерти отца княжилъ въ томъ же великомъ городѣ и былъ также основателемъ Изборска. По смерти Избора и Столпосвята властвовалъ Владиміръ, нотомкомъ котораго въ девятомъ поколѣніи былъ Буривой, простершій свою власть на всю Біармію до р. Кюмени въ странѣ Корельской, много воевалъ съ варягами, наконецъ побѣжденъ былъ и укрылся въ городѣ Бярмы, гдѣ и умеръ. Сынъ и преемникъ

¹⁾ Истор. росс. Ч. II, стр. 18 372

его Гостомысль много воевалъ съ варягами, покорившими и угнетавшими славянъ, русь и чудь, побѣдилъ и прогналъ варяговъ и потомъ заключилъ съ ними миръ, мудро и счастливо управлялъ строною, пользуясь любовію народа и уваженіемъ отъ сосѣднихъ странъ. У Гостомысла было четыре сына и три дочери. Сыновья одни погибли на войнахъ, другіе умерли дома. А дочери выданы въ замужество за сосѣднихъ князей. За какихъ именно князей онѣ выданы были—въ лѣтописи не показано, замѣчаетъ Татищевъ; но изъ дальнѣйшаго разсказа ея само собою видно, что старшая выдана за князя изборскаго, а средняя за князя варяжскаго. Предъ смертію Гостомысль имѣлъ пророчественное сновидѣніе, что послѣ него власть надъ славянами и союзными съ нимъ народами перейдетъ къ сыну средней дочери, при которомъ начнетъ разрастаться могущество славяно-русской державы. По этому сновидѣнію онъ созвалъ къ себѣ старѣйшинъ отъ славянъ, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дреговичей и посоветовалъ призвать князя изъ варяговъ. Этимъ княземъ и былъ Рюрикъ, сынъ средней дочери Гостомысла, пришедшій въ славянскую землю съ двумя братьями и съ родомъ своимъ...

Предъ смертію Рюрикъ, за малолѣтствомъ Игоря, передалъ управленію своему шурина варягу Олегу, князю Урманскому, который управлялъ именемъ Игоря сперва въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ. Когда Игорь выросъ, Олегъ женилъ его, взявъ ему жену изъ Изборска, которая была изъ рода Гостомысла, была именно дочерію изборскаго князя, женатаго на старшей изъ трехъ дочерей Гостомысла. Какъ славянка, она носила прежде славянское имя Прекраса, и названа Ольгою уже Олегомъ отъ своего имени ¹⁾. О приведенномъ повѣствованіи Іоакимовской лѣтописи, заканчивающемся извѣстіемъ о происхожденіи Ольги, достаточно замѣтить слѣдующее: а) баснословіе о предкахъ Гостомысла есть, повидимому, издѣліе самого составителя Іоакимовской лѣтописи, кто бы онъ ни былъ. б) Но о Гостомыслѣ говорятъ такъ или иначе и другія изъ нашихъ позднихъ лѣтописей, какъ то Софійская I, Никоновская, Воскресенская, Тверская, съ тѣмъ только различіемъ, что одні изъ нихъ отдаляютъ существованіе его на многіе вѣка до начала русской исторіи, относя къ тому времени,

¹⁾ Татищевъ Истор. Росс. Ч. I, стр. 31—35 и 48 примѣч. 33. Сп. Ч. II, прим. 44, 58, 76. Надобно замѣтить, что въ изложеніи сказаній Іоакимовской лѣтописи у Татищева не вездѣ ясно, что онъ передаетъ словами самой лѣтописи и что прибавляетъ отъ себя, въ видѣ догадки, поясненія и т. д.

когда славяне впервые поселились на Ильменѣ и избрали себѣ старѣйшиной Гостомысла, другія приурочиваютъ его къ началу нашей исторіи, когда онъ далъ совѣтъ союзнымъ славянофинскимъ племенамъ призвать князя изъ варяговъ. О Гостомыслѣ знаетъ и Стрыйковскій, писавшій свою польскую хроніку во 2-й пол. XVI в. и пользовавшійся русскими лѣтописями, и что особенно важно, о Гостомыслѣ говоритъ и Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 г. и здѣсь ознакомившійся съ памятниками нашей письменности, въ томъ числѣ и лѣтописями¹⁾. Изъ этого видно, что преданіе о Гостомыслѣ было уже довольно распространеннымъ у нашихъ книжниковъ еще съ первой половинѣ XVI в. в) Не стоитъ одиноко въ Иоакимовой лѣтописи и указаніе на Изборскъ, какъ родину Ольги, указываемый, какъ ея родина, и въ раскольническомъ спискѣ лѣтописи, бывшемъ у Татищева. г) Затѣмъ все остальное, что говорится въ Иоакимовой лѣтописи о Гостомыслѣ и Ольгѣ, принадлежитъ исключительно этой лѣтописи. Только онъ знаетъ о трехъ дочеряхъ Гостомысла, въ частности и о старшей, женѣ изборскаго князя и матери Ольги. Она одна знаетъ прежнее славянское имя невѣсты Игоря— Прекрасы и то, что Олегъ переименовалъ ее въ Ольгу. Первый передатчикъ этихъ извѣстій Иоакимовой лѣтописи Татищевъ вполне довѣряетъ имъ. Опираясь на извѣстія этой лѣтописи и защищая ихъ, Татищевъ опровергаетъ показанія Миней и Степенной книги, что Ольга была носелянка изъ Выбутской веси; порицаетъ, какъ ошибку, то, что въ Степенной книгѣ собственное славянское имя Ольги Прекраса понято, какъ прилагательное *прекрасная*. Есть довѣряющіе этимъ сообщеніямъ Иоакимовой лѣтописи и между позднѣйшими нашими и притомъ очень солидными историками. Такъ, преосвященный Филаретъ (Гумилевскій) въ своемъ житіи св. Ольги, помѣщенномъ въ книгѣ «Русскіе Святые» за іюль (подъ 11 іюля) выражается: «нѣтъ причинъ не принимать того показанія Иоакимовой лѣтописи, что Ольга была изъ рода Гостомысла, славнаго умомъ и вліяніемъ своимъ на племена славянскія, того самаго, по совѣту котораго, для прекращенія между родами неурядиць, былъ призванъ изъ вендской, славянской страны Рюрикъ—Соколъ. По той же лѣтописи, Ольга называлась Прекрасою, по красотѣ лица и души, а Ольгою назвалъ

¹⁾ П. Собр. Р. Л. 83; VII, 262; (X, 3. XV, I с.). Снес. Карамз. Ист. Г. Росс. Т. I, гл. 4, стр. 69 и примѣч. 274 изд. Эйнера. Бестужева-Рюмина. О составѣ русск. лѣт. Прилож. стр. 1. Спб. 1868. Лейбовича „Сводная лѣтопись“, стр. 14. Спб. 1876 года.

ее по своему имени опекуны Игоря—Олега, когда выдалъ ее за Игоря». Славянофильскія увлеченія историка, видимыя и на этой небольшой тирадѣ, достаточно объясняютъ для насъ довѣріе его къ показаніямъ Іоакимовой лѣтописи, также славянофильствующей, и въ этомъ направленіи переработывающей нашу начальную исторію. Но вообще наши историки, имѣя въ виду баснословія Іоакимовой лѣтописи, далеки и отъ довѣрія къ показаніямъ ея о Гостомыслѣ и Ольгѣ. Болѣе довѣрія встрѣчало лишь одно изъ этихъ показаній, касающееся замѣны Олегомъ прежняго имени жены Игоря на имя Ольги. Послѣ Татищева это показаніе Іоакимовой лѣтописи принималъ Карамзинъ, выражавшійся такъ: «имя свое Ольга приняла, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной княжнѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви¹⁾. Погодинъ также мнѣніе Татищева и Карамзина объ имени Ольги призналъ несостоятельнымъ. «Эта догадка, замѣчаетъ онъ, не основана на историческомъ свидѣтельствѣ: и едвали можно грубымъ необразованнымъ людямъ X столѣтія приписать такую учтивость, которая принесла бы честь XIX столѣтію. Вѣроятно же заключить слѣдуетъ, что имя сіе принадлежало ей (Ольгѣ) съ самаго начала, а не принято впоследствии²⁾. Впрочемъ, какъ бы ни смотрѣть на тѣ частныя черты свидѣтельства Іоакимовой лѣтописи о происхожденіи Ольги, которыя составляютъ ея особенность, для насъ важна общая сторона этого свидѣтельства,—та именно, что Ольга производится изъ Руси, притомъ изъ Руси сѣверной, изъ области Плесковской или Псковской, въ которой находился и городъ Изборскъ.

Изъ представленнаго обзора бывшихъ доселѣ извѣстными сказаній о происхожденіи Ольги дается видѣть, что всѣ они *согласны въ общемъ—въ опредѣленіи рода Ольги*, т. е. въ томъ, что Ольга была родомъ *русская* и происходила именно изъ *сѣверной Руси*, изъ *Плесковской* области. Это согласіе, отмѣчаемое нашими историками³⁾, указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что преданіе о такомъ происхожденіи Ольги было не только наиболѣе древнимъ, но и наиболѣе твердымъ и распространеннымъ, такъ что новое извѣстіе Владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи ея оказывается пока совершенно одинокимъ. Что касается до частныхъ показаній о родѣ Ольги,

¹⁾ И. Г. Росс. Т. I, стр. 89. Изд. Эйнерлинга.

²⁾ Изслѣд. и проч. Т. III, стр. 91—92.

³⁾ Въ „Исторіи Россіи“ Соловьева говорится: изъ преданій о происхожденіи Ольги можно принять за вѣрное только одно—что она была родомъ изъ сѣверныхъ областей (Руси). Т. I, прим. 204.

представляемыхъ упомянутыми позднѣйшими извѣстіями и состоящими въ томъ, что одни изъ нихъ полагаютъ родиной Ольги вмѣсто Плескова Выбутино, другіи Изборскъ, одни считаютъ ее варяжкою простаго рода, другіи славяною (по матери) княжескаго рода, — то эти показанія имѣютъ для насъ въ данномъ случаѣ второстепенное значеніе. Такъ или иначе понимаемыя, они могутъ имѣть значеніе только вспомогательныхъ данныхъ для рѣшенія общаго занимающаго насъ вопроса.

III.

Послѣ обзора бывшихъ доселѣ извѣстными свидѣтельствъ и сказаній о происхожденіи Ольги, сосредоточимъ вниманіе на исторіографическомъ значеніи новооткрытаго Владимірскаго лѣтописца, дающаго новое свидѣтельство о происхожденіи Ольги — не русскомъ, а болгарскомъ. Конечно, мы можемъ говорить о немъ на основаніи лишь тѣхъ свѣдѣній о немъ, какія сообщены въ статьѣ достоуважаемаго о. Леонида и того отрывка изъ лѣтописца, какой приложенъ къ статьѣ. Итакъ:

1) Владимірскій лѣтописецъ писалъ въ *исходѣ XV в.*, слѣдовательно, позднѣе не только начальной лѣтописи, но и обоихъ древнихъ списковъ ея. Въ изложеніи событій онъ «слѣдуетъ указаніямъ нашей начальной лѣтописи, но замѣтно уклонится отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній ея, встрѣчающихся на первыхъ годахъ, а мѣстами дѣлаетъ весьма важныя и любопытныя дополненія и поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ своего источника». Къ этому замѣчанію издателя (отрывка) лѣтописца присовокупилъ, что онъ *сокращенно* передаетъ и нѣкоторыя *нелегандарныя* извѣстія начальной лѣтописи. Словомъ, новооткрытый лѣтописецъ принадлежитъ къ разряду *позднихъ сокращенныхъ лѣтописей*. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на такъ называемую *Супрасльскую* лѣтопись въ двухъ частяхъ ея, представляющихъ *сокращенную новгородскую и сокращенную кievскую* лѣтопись ¹⁾. Съ послѣднею онъ сходенъ и своимъ «родословцемъ» или перечнемъ князей, который во Влад. лѣтописи оканчивается сыномъ Іоанна III, Іоанномъ Младымъ, въ Супрасльской сыномъ послѣдняго Димитріемъ. Но Владимірскій лѣтописецъ, судя по крайней мѣрѣ по имѣющемуся

¹⁾ Супрасльская лѣтопись, такъ названная по мѣсту гдѣ, въ которомъ она была найдена, изд. княземъ М. О. Оболенскимъ. Москва. 1836 г.

на лицо отрывку его, обильнѣе Сунрасльської лѣтописи *вариантами*, т. е. дополненіями и поясненіями къ извѣстіямъ своего источника. По отношенію къ тѣмъ извѣстіямъ *позднихъ* лѣтописей, какія не встрѣчаются въ древнихъ, существуетъ, между прочимъ, то правило критики, что, если эти извѣстія представляютъ собою *не пространныя сказанія*, а именно *краткія* извѣстія, то они могутъ быть принимаемы сравнительно съ большимъ довѣріемъ, ибо они могли быть *простыми выписками* отъ недошедшихъ до насъ *древнихъ лѣтописныхъ записей*, тогда какъ *пространныя сказанія* болѣе или менѣе отражаютъ на себѣ слѣды *сочиненности*. Но это правило имѣетъ настоящее приложеніе именно только при *сравнительной оцѣнкѣ* краткихъ извѣстій и пространныхъ сказаній, заключающихся въ *одной и той же лѣтописи*, лѣтописи обширной, какова напр. Никоновская. По относительно позднихъ *сокращенныхъ* лѣтописей, въ которыхъ новыя сообщенія даются *исключительно* въ видѣ краткихъ извѣстій, вопросъ о происхожденіи ихъ, а слѣд. и степени достовѣрности ставится нѣсколько иначе: авторъ поздней сокращенной лѣтописи, работая, какъ авторъ, могъ *по своему* не только сокращать, но и *добавлять и пояснять*, хотя бы то въ видѣ самыхъ краткихъ оговорокъ, вариантовъ. Всегда ли онъ бралъ такія добавленія и поясненія изъ древнихъ источниковъ, или же бралъ ихъ изъ болѣе позднихъ, даже современныхъ ему, а мѣстами вносилъ и собственные домыслы? — Это еще вопросъ. Этотъ вопросъ приложимъ и къ Владимірскому лѣтописцу, — и тѣмъ болѣе, что онъ, какъ сказано, довольно обилень дополненіями, вообще вариантами, хотя и весьма краткими. Войдемъ въ ближайшее разсмотрѣніе ихъ.

2) Въ изданномъ отрывкѣ Владимірскаго лѣтописца находимъ *восемь вариантовъ*, подъ которыми разумѣемъ все то, что сообщаетъ онъ въ добавокъ къ извѣстіямъ или взамѣнъ извѣстій *начальной* лѣтописи, лежащей въ его основѣ. Укажемъ сперва на послѣдній изъ нихъ, интересный тѣмъ, что онъ сразу, ясно даетъ видѣть свой источникъ и такимъ образомъ до нѣкоторой степени вводитъ насъ въ представленіе вообще о составѣ источниковъ нашего лѣтописца. Говоритъ о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ и народа въ Кіевѣ, лѣтописецъ прибавляетъ: *приде изъ Цареграда митрополитъ Леонъ*. Извѣстно, что о м. Леонѣ не говоритъ начальная лѣтопись. Единственное *лѣтописное* извѣстіе о немъ, какъ *первомъ* митрополитѣ, есть извѣстіе древней *Новгородской* лѣтописи, читаемое въ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводахъ, пространныхъ и краткихъ, перешедшее

во многіе позднѣйшіе списки и начальной лѣтописи, находящеяся также и въ древнѣйшемъ спискѣ устава св. Владиміра, дошедшемъ также отъ Новгорода (въ спискѣ Кормчей конца XIII в.). Отсюда слѣдуетъ заключить, что Владимірскаѣ лѣтописецъ пользовался *Новгородскою* лѣтописью. Это обстоятельство могло бы хорошо рекомендовать нашего лѣтописца, давая предполагать, что онъ, при своихъ добавленіяхъ къ извѣстіямъ начальной лѣтописи, имѣлъ въ виду и древніе источники. Но пойдемъ къ другимъ вариантамъ.

Въ начальной строкѣ лѣтописца о призваніи князей читаемъ: «Въ лѣто 63 (862) придоша *Русь*, Словены, Чудь, *Донь*, Кривичи къ Варягамъ и сиросиша себѣ у нихъ властей.» Вариантъ *Русь*, представляемая, какъ туземное племя, участвующее въ призваніи Варяговъ, принадлежит не исключительно новооткрытому лѣтописцу. Онъ встрѣчается въ продолженіи къ *Лѣтописцу ескорь* (краткому лѣтописцу) патр. Никифора, существующему въ древнемъ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ въ *Новгородѣ* и сохранившемся въ рукописи конца XIII в. ¹⁾; встрѣчается также, въ той или другой постановкѣ, въ лѣтописцѣ Переяслава Суздальскаго, въ Воскресенской лѣтописи, въ Степенной книгѣ, въ Іоакимовой лѣтописи и у Стрыйковскаго, который какъ извѣстно, пользовался русскими лѣтописями, въ частности новгородскими ²⁾. По всей вѣроятности, вариантъ о Руси появился первоначально въ новгородскихъ лѣтописяхъ и отсюда перешелъ въ другія. Но этотъ вариантъ, постановкою котораго поздніе лѣтописи входятъ въ противорѣчіе съ самими собою ³⁾, находится въ прямомъ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ начальной лѣтописи, въ которой не Русь участвуетъ съ другими племенами въ призваніи князей, а сами эти племена посылаютъ въ варягамъ-руси — звать князей. Хотя означенный вариантъ восходитъ къ концу XIII в. (если, впрочемъ, это можетъ быть признано несомнѣннымъ), но онъ, на нашъ взглядъ, отнюдь не можетъ перевѣшивать свидѣтельства начальной лѣтописи о руссахъ, какъ варягахъ или норманнахъ, бывшихъ призванными, а не призывав-

¹⁾ Ц. Собр. Р. Л. 1, 251. См. Попова „Обзоръ хронографовъ“ 1, 186; 11, 15.

²⁾ Указанія на этотъ вариантъ или выписки имѣтъ, гдѣ онъ встрѣчается, можно видѣть у гг. Иловайскаго (I. с.) Бестужева-Рюмина (О составѣ русск. лѣтописей до конца XIV в.; прилож. 1 стр. 1—4), Лейбовича (I. с.) 10 с. Первольфа (Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. II, стр. 433—434. Варшава. 1888 г.).

³⁾ Напр. въ лѣтописцѣ Переяслава Суздальскаго сперва говорится, что племена послали за море къ Варягамъ, къ *Руси*, а вслѣдъ затѣмъ въ числѣ посылавшихъ ставятся: *Русь*, Чудь, Словене и проч. Изд. кн. Оболенскаго, М. 1851 г. стр. 3.

шими,—свидѣтельства, подкрѣпляемаго цѣлымъ рядомъ другихъ свидѣтельствъ восточныхъ и западныхъ о руссахъ, какъ норманнахъ и многими другими признаками такого именно происхожденія руссовъ¹⁾. Итакъ варіантъ *Русь* въ лѣтописцѣ владимірскомъ даетъ поводъ думать, что онъ не всегда былъ довольно разборчивъ или счастливъ въ пользованіи источниками, по которымъ обработывалъ свою сокращенную лѣтопись²⁾.

Еще болѣе смущаетъ насъ второй варіантъ начальной строки этого лѣтописца, гдѣ въ числѣ племенъ участвующихъ въ призваніи князей ставится *Лопь*. Этой Лопи, сколько мы знаемъ, нѣтъ въ данномъ мѣстѣ ни въ одной лѣтописи, и она принадлежитъ исключительно лѣтописцу владимірскому. Какъ бы ни объяснять происхожденіе этого варіанта, но онъ, подобно варіанту *Русь*, способенъ возбуждать новое сомнѣніе въ историческомъ значеніи варіантовъ этого лѣтописца, располагая къ мысли, что они были или собственными домыслами лѣтописца, или же такими домыслами другого какого либо книжника, которымъ онъ пользовался.

Слѣдующій затѣмъ варіантъ касается Аскольда и Дира, которые называются здѣсь *князьями*, тогда какъ въ начальной лѣтописи говорится, что они были именно *не князья, а болгарина*. Конечно, Аскольдъ

1) Ослабляя значеніе свидѣтельства начальной лѣтописи указываютъ на то, что переводный краккій лѣтописецъ патр. Никифора дошелъ къ намъ въ рукописи отъ конца XIII в., тогда какъ Ипатскій списокъ лѣтописи отъ XIV или нач. XV, а Лаврентьевскій отъ 1377 г. Но вѣдь въ этихъ спискахъ имѣемъ мнѣ *тождественную начальную лѣтопись нач. XII в.* Защитники туземности и славянства начальной Руси тѣмъ менѣе могутъ ссылаться на позднія повгородскія свидѣтельства о Руси, участвовавшей въ призваніи князей, что сами же признаютъ, что отечество Руси было не на сѣверѣ, а на югѣ (Розысканія о началѣ Руси г. Иловайскаго, стр. 300—301. 231). Впрочемъ этимъ отечествомъ Руси на югѣ русской земли были, по нашему убѣжденію, сперва Черноморье, съ тѣхъ поръ какъ осядлись здѣсь пришлые съ Скандинавскаго сѣвера руссы-норманны, а уже потомъ кievская Русь, когда здѣсь утвердились, прибывшіе оттуда же варяго-руссы.

2) Здѣсь мы расходимся во взглядѣ на варіантъ *Руси* съ многоуважаемымъ ученымъ историкомъ и изслѣдователемъ г. Иловайскимъ, который придаетъ важное значеніе этому варіанту, сопоставляя его съ другими свидѣтельствами о Руси, какъ славянскомъ племени на сѣверѣ (Историко-критическіе замѣтки. Русск. Вѣстникъ 1888 г. Декабрь). Для насъ этотъ варіантъ есть слабая, а не сильная черта въ новооткрытомъ лѣтописцѣ. Перенесеніе позднѣйшими лѣтописцами Руси на сѣверъ въ составъ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи варяговъ, имѣетъ, на нашъ взглядъ, такое же значеніе, какъ отождествленіе нѣкоторыми изъ сихъ лѣтописцевъ южныхъ, особенно черноморскихъ, руссовъ съ куманами...

и Диръ могли быть названы князьями, потому что, овладѣвъ Кіевомъ, вокняжились сами въ немъ, независимо отъ Рюрика. Поэтому то они называются князьями и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Тамъ не менѣе обращеніе Аскольда и Дира въ князей выражаетъ только то, какъ понимали позднѣйшіе лѣтописцы, въ томъ числѣ и владимірскій, положеніе Аскольда и Дира въ Кіевѣ, иначе сказать: оно представляетъ собою собственный домыселъ ихъ, а не извѣстіе, почерпнутое изъ древнихъ источниковъ, въ которыхъ оно не встрѣчается и которымъ противорѣчить. Затѣмъ, минуя пока вариантъ объ Ольгѣ, укажемъ на три остальные. Послѣ разказа объ Олегѣ, лѣтописецъ продолжаетъ: «но немъ нача княжити Игорь и воева Деревскую землѣ, *рекше Литву*». И далѣе: «Ольга съ сыномъ своимъ мсти кровь мужа своего и князя оуби Мала именемъ и *всю Литву* высече». Здѣсь мы видимъ замѣчательный образецъ, какъ позволяли себѣ поступать въ своемъ дѣлѣ составители сокращенныхъ лѣтописей: по своему соображенію опуская одни извѣстія въ древнихъ лѣтописяхъ, они, по своему же соображенію, вносили дополненія и поясненія къ древнимъ извѣстіямъ: ибо вариантъ *рекше Литву* и *всю Литву* высече есть уже, безъ всякаго сомнѣнія, собственный, хотя и крайне неудачный, домыселъ лѣтописца XV в., или другого автора, служившаго ему источникомъ.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ вариантъ о Святославѣ: «И начать княжити Святославъ нарицаемы *легкий*». Этотъ вариантъ встрѣчается и въ той части Супрасльской лѣтописи, которая называется сокращенною Кіевскою лѣтописью и писана ок. 1516 г., на которомъ она кончается. Здѣсь читаемъ: «сынъ же бысть у Игоря Святославъ *ленький* ¹⁾». Такъ какъ упомянутая Супрасльская лѣтопись немного моложе владимірскаго лѣтописца, то вариантъ легкій о Святославѣ не могъ быть взятъ послѣднимъ изъ первой, а обоими изъ общаго источника. Всего проще онъ есть самодѣльное обращеніе какимъ либо книжникомъ въ эпитетъ выраженія начальной лѣтописи о Святославѣ: *леко* ходя, аки *пардусъ* (подъ 964 г.).

О Святославѣ, въ извѣстии объ убіеніи его печенѣгами у пороговъ днѣпровскихъ, имѣется еще слѣдующій вариантъ: «Печенежски же князь именемъ *Редера* окова лобъ Святослава и написа кругъ его

¹⁾ Супр. Лѣт. стр. 127. Замѣчено уже, что эта лѣтопись сходится съ Влад. лѣтописью и своимъ родословіемъ князей, перечень которыхъ кончается сыновьями Іоанна III и сыномъ Іоанномъ Младого Дмитріемъ.

такъ: *чужихъ ища и свое погуби*. Варіантъ *Редеря* вм. *Куря* древней лѣтописи, читается въ архангелогородскомъ спискѣ, а слова надписи въ болѣе пространномъ видѣ читаются въ русскомъ лѣтописцѣ, называемомъ *Львовскою* лѣтописью, по имени ея издателя Львова (1778 г.): «и сдѣлаша чашу и оковавшѣ златомъ лобъ его и надписаша на ней тако: *Чужаю паче силы желая, своя погуби за премногую его несъ-тость*»¹⁾. Интересно, что надпись приводится и у Стрыйковскаго — такъ: *ища чужаго, свое погубляешъ*. Чтеніе Стрыйковскаго тождественно съ чтеніемъ у Владимірскаго лѣтописца, которое, конечно, древнѣе распространеннаго чтенія въ Львовской лѣтописи. Возможно, что всѣ они имѣли однѣнъ и тотъ же источникъ и на этотъ разъ, вѣроятноже, уже южно или западно-русскій. Едва ли нужно говорить, что извѣстіе о надписи есть вымыселъ, построенный на читаемыхъ въ древней лѣтописи словахъ кievлянъ къ Святославу: *ты, княже, чужезя земли ищещи, и своел ся лишишь*.

Послѣ обзора варіантовъ Владимірскаго лѣтописца, что можно сказать объ общемъ характерѣ ихъ? Къ большому сожалѣнію, за исключеніемъ варіанта о м. Леонѣ, всѣ остальные варіанты—не такого качества, чтобы могли располагать къ особенному довѣрію къ авторской или редакторской работѣ лѣтописца. Трудно освободиться отъ мысли, что выражаемыя этими варіантами дополненія, поправки, поясненія къ извѣстіямъ начальной лѣтописи представляютъ собою болѣе догадки, домыслы самаго лѣтописца или того источника, подъ влияніемъ котораго онъ позволялъ себя пополнять, поднимать и поправлять извѣстія древней, начальной лѣтописи. Источникъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дополненій и поправокъ исходилъ, предположили мы, изъ Новгорода, которому вообще принадлежитъ первая честь новой передѣлки извѣстій и сказаній начальной Кіевской лѣтописи, въ томъ числѣ и сказаній объ Ольгѣ, и въ которомъ духъ вольности и независимости сказывался, новидимому, и на литературныхъ работахъ его книжниковъ. Въ другихъ варіантахъ можно предполагать влияніе южно-западно-русскихъ книжныхъ источниковъ, хотя донскиваться болѣе точнаго разъясненія этихъ влияній было бы едва ли выполнимою задачею.

При взглядѣ на такой характеръ варіантовъ т. е. дополненій и поясненій къ древнимъ извѣстіямъ, встрѣчаемыхъ въ лѣтописцѣ Владимірскомъ что остается сказать о томъ главномъ, занимающемъ

¹⁾ Лейбовича, Сводная лѣтопись стр. 65.

нась, вариантѣ, который заключается въ словахъ: *Июря же жени въ Болмарьлахъ, поитъ за него князю именовъ Ольгу?*

Правила критики заставляютъ судить о немъ не по тому единственно вѣрному варианту или дополненію, въ которомъ говорится о м. Леонѣ, а по цѣлому ряду остальныхъ вариантовъ, значеніе, отчасти и происхожденіе которыхъ было здѣсь уяснено. Иначе сказать: вариантъ о болгарскомъ происхожденіи Ольги, *по всей вѣроятности*, не взятъ изъ древняго источника, а есть плодъ собственнаго домысла владимірскаго лѣтописца или другаго близкаго къ его времени книжника, которымъ онъ пользовался, составляя свою сокращенную лѣтопись. *Полная одиночность* этого *позднего* варианта, нигдѣ не встрѣчаемаго ни до, ни послѣ владимірскаго лѣтописца, склоняетъ къ первому выводу, то есть, что вариантъ этотъ есть *именно плодъ собственнаго* домысла лѣтописца, дающаго видѣть свою способность къ подобнымъ домысламъ на другихъ вариантахъ, каковъ напримѣръ: *Деревскую землю, речше Литву*. Необходимо однако же предположить, что лѣтописецъ имѣлъ какія либо, хотя бы то *косвенныя, основанія* для своего домысла. По всей вѣроятности, первымъ основаніемъ служилъ здѣсь тотъ памятникъ, на который уже указалъ достоуважаемый о. арх. Леонидъ въ своихъ объясненіяхъ на означаемый вариантъ и о которомъ было упомянуто выше: это—славяно-болгарскій переводъ греческой хроники Константина Манассія съ замѣтками при немъ переводчика. Стихотворная, обильная витійствомъ, но бѣдная содержаніемъ, хроника Манассія писана въ XII в., ок. 1144 г. Переводъ хроники сдѣланъ въ Болгаріи, а древнѣйшій, извѣстный у насъ списокъ перевода есть Синодальный (№ 38), писанный въ Болгаріи для болгарскаго царя Іоанна-Александра въ 1345 г. ¹⁾ Замѣтки, присоединенныя болгарскимъ переводчикомъ къ своему переводу хроники, относятся къ болгарской исторіи въ связи съ византійскою. Въ ряду ихъ есть слѣдующая замѣтка, относящаяся къ войнѣ императора Василія II Болгаробойца съ Самуиломъ, царемъ болгарскимъ: «сей царь Василій

¹⁾ О хроникѣ Манассія, переводѣ его, замѣткахъ къ нему и спискахъ перевода съ этими замѣтками см. Черткова „О переводѣ Манассіиной лѣтописи“ въ Русск. Историч. Сборн. т. VI, кн. 1, М. 1843 г.; А. Попова. „Обзоръ хронографовъ русской редакціи“. Вып. 1. стр. 99—179. Вып. 2. стр. 6—7. Чертковъ, говоря, что дошедшіе до насъ списки перевода не старѣе первой половины XIV в., прибавляетъ: но самый переводъ сдѣланъ, вѣроятно, въ XII столѣтіи. Ни чѣмъ не подкрѣпляется эта вѣроятность; вѣрнѣе предположеніе г. Полова, что и самый переводъ совершенъ въ первой половинѣ XIV в.

разбилъ Самуила, болгарскаго царя двукратно и взялъ города Бдинъ (Видинъ) *Плиску*, Преславъ великій и малый и прочіе города»¹⁾. Хроника Манассіи въ болгарскомъ переводѣ и съ приписками болгарскаго переводчика досталась Руси, конечно, отъ Болгаріи, бывъ принесена какимъ либо, бывавшимъ въ Болгаріи, книголюбомъ, что могло быть спустя годы и даже десятилѣтія послѣ 1345 г.²⁾. Со временемъ она приобрѣла у насъ довольно большую извѣстность, такъ что стала однимъ изъ видныхъ источниковъ, которыми пользовались для своихъ литературныхъ трудовъ составители нашихъ позднѣйшихъ лѣтописей и хронографовъ³⁾. Въ частности, та приведенная нами выше замѣтка, въ которой говорится о городахъ, завоеванныхъ царемъ Василиемъ II въ Болгаріи, послужила для нихъ источникомъ, изъ котораго они могли знать о существованіи въ древней Болгаріи города *Плиски* или *Плискувы*⁴⁾. Необходимо думать, что и нашъ владимірскій лѣтописецъ зналъ упомянутое извѣстіе о болгарской Плискѣ или Плискувѣ, что онъ нашелъ возможность сопоставить его съ извѣстіемъ начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ *Плескова*, столько однозвучнаго съ болгарскою *Плискою*, а затѣмъ истолковать это русское извѣстіе въ томъ смыслѣ, что Плесковъ здѣсь разумѣется не русскій, а болгарскій, хотя такое толкованіе шло наперекоръ начальной лѣтописи, ясно дающей видѣть, что она разумѣетъ русскій Плесковъ. Подробное толкованіе могло произойти также просто, какъ толкованіе — *Деревскую землю, рекше Литву*, хотя оно стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ начальною лѣтописью, считающею древлянъ

¹⁾ Подлинный славяно-болгарскій текстъ этой приписки приведенъ у о. архим. Леонида, помѣщенный также въ упомянутыхъ сочиненіяхъ Черткова (стр. 118) и А. Попова (стр. 178).

²⁾ Возможно, что она принесена въ Русь еще при митрополитѣ Кипріянѣ, который былъ, вѣроятно, родомъ не сербъ, а болгаринъ, извѣстенъ своимъ книголюбіемъ, знакомствомъ съ произведеніями юго-славянскаго, болгаро-сербскаго письменности и склонностію усвоить ихъ и нашей Руси.

³⁾ Многочисленныя выписки изъ хронографовъ и лѣтописей, сопоставленныя съ выписками изъ Синадальнаго списка перевода Манассіинной хроники и замѣтокъ къ нему, можно видѣть въ упомянутыхъ соч. Черткова и А. Попова.

⁴⁾ Здѣсь мы сближаемся съ мнѣніемъ по этому предмету уважаемаго о. архим. Леонида, который выражается такъ: „а что Плесковъ былъ древній городъ въ Болгаріи, ничего общаго съ нашимъ Псковомъ не имѣющей, они могли узнать изъ вышеуказаннаго нами славянскаго источника (переводъ лѣтописи Манассіи XIV вѣка)“. Стр. 219. Цитованная замѣтка не одинъ разъ приводится въ нашихъ хронографахъ и лѣтописяхъ.

славянскимъ, а не литовскимъ племенемъ ¹⁾). Въ поясненіе возможности у нашего владимірскаго лѣтописца конца XV в. того вывода или домысла, какой явился у него изъ сопоставленія русскаго извѣстія о Плесковѣ и болгарскаго о Плискѣ, укажемъ на довольно аналогичный примѣръ другого вывода или домысла объ отношеніи этихъ городовъ въ связи съ отношеніемъ ихъ обоихъ къ Ольгѣ. Еще задолго до нашего времени и до открытія Владимірскаго лѣтописца и сообщаемого имъ мнѣнія о болгарскомъ происхожденіи Ольги уже высказывалась мысль, что русскій Плесковъ получилъ названіе отъ болгарской Плиски, — и главное, что это названіе дано первому *Ольгою*, бывъ взято отъ послѣдней. М. Евгеній, въ своей «Исторіи княжества Псковскаго», излагая разныя мнѣнія о происхожденіи названія Плескова, замѣчаетъ: «другіе думаютъ, что Ольга *въ путешествіи своемъ въ Константинополь*, замѣтивъ почему нибудь болгарскій городъ Плискову «за Дунаемъ бывшую и съ прочими болгарскими городами состоявшую послѣ во владѣніи сына ея Святослава, нарекла симъ именемъ и *свой городъ*» ²⁾). Если подобное мнѣніе могло возникнуть при отсутствіи всякихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы Ольга видѣла болгарскую Плискову, и при наличности ясныхъ свидѣтельствъ начальной лѣтописи о русскомъ Плесковѣ, какъ существовавшемъ еще до путешествія Ольги въ Царьградъ; то что удивительнаго и въ томъ, что нашъ владимірскій лѣтописецъ, увлекаемый созвучіемъ Плескова и Плискувы, додумался поставить послѣднюю на мѣсто перваго и затѣмъ истолковать свидѣтельство начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ Плескова, какъ свидѣтельство о ея болгарскомъ происхожденіи? Упомянутые м. Евгеніемъ представители того мнѣнія, что русскій Плесковъ, бывшій родиною Ольги, могъ получить названіе отъ болгарской Плискувы и что оно дано ему Ольгою, располагались къ такому выводу не только созвучіемъ этихъ названій, но еще и довлѣіемъ къ *позднѣйшимъ сказаніямъ*, что русскій Плесковъ не суще-

¹⁾ Достоуважаемый авторъ „Историко-критическихъ замѣтокъ (Русск. Вѣстникъ, декабрь, 1888 г.) замѣчаетъ, что варианты, подобные сейчасъ приведенному, свидѣлствуютъ только *объ искаженіяхъ*, которымъ подвергалась новооткрытая Владимірская лѣтопись. Съ своей стороны мы не находимъ никакого повода признать здѣсь искаженія. Всею совокупностію своею они даютъ видѣть, что они — дѣло самаго автора данной лѣтописи. Во всякомъ случаѣ, если говорить объ искаженіяхъ, то ихъ нужно *доказать*. Иначе легко будетъ относить на счетъ искаженій, вставокъ и т. под. всякое выраженіе въ памятникѣ, не подходящее къ нашимъ предвзятымъ мнѣніямъ относительно значенія свидѣтельствъ этого памятника.

²⁾ Ист. Кн. Пск. стр. 11. Кіевъ. 1831 г.

ствовавъ до замужества Ольги и что онъ основанъ Ольгою, уже христіанкою. Очень возможно, что нѣчто подобное было у нашего лѣтописца. Правда, тѣ мѣстныя новгородско-псковскія сказанія, которыя, перенося родину Ольги съ Плескова на Выбутино или Изборскъ, ссылались на то, что «града Плескова тогда не бысть», а основанъ уже Ольгою,—эти сказанія позднѣе владимірскаго лѣтописца. Но нѣкоторые изъ нихъ ссылаются уже на *предшествующія повѣсти многи*, слѣд. указываютъ на *болѣе раннее* происхожденіе подобнаго мнѣнія или преданія относительно Плескова. Возможно, что и владимірскій лѣтописецъ такъ или иначе усвоилъ себѣ мнѣніе, что русскій Плесковъ есть городъ уже позднѣйшій, основанный Ольгою, что, слѣдовательно, Плесковъ, изъ котораго она въ 903 г. была приведена въ жены Игорю, есть не русскій, а болгарскій, открытый имъ въ припискѣ къ хроникѣ Манассіи, что поэтому Ольга была родомъ—болгарка. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, для насъ важенъ собственно тотъ общій *наиболѣе вѣроятный* выводъ, что одиноко стоящее извѣстіе поздняго владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи Ольги есть *не извѣстіе*, почерпнутое изъ древняго источника, а *мнѣніе* самаго лѣтописца, сложившееся, всего вѣроятнѣе, подъ вліяніемъ болгарскаго извѣстія о существованіи въ Болгаріи древняго города, созвучнаго по названію Плескову начальной лѣтописи. Тѣмъ неотразимѣе становится то заключеніе, что одиночное извѣстіе владимірскаго лѣтописца далеко не можетъ перевѣсить значенія всѣхъ остальныхъ древнихъ и позднихъ извѣстій и сказаній о русскомъ происхожденіи Ольги.

Въ заключеніе настоящаго обзора и анализа извѣстій о происхожденіи Ольги остается указать еще на одно извѣстіе, также одиночное и столько же оригинальное, какъ и извѣстіе владимірскаго лѣтописца, и потому могущее служить назидательною иллюстраціею къ нему. Оно сообщается въ *краткой лѣтописи*, писанной послѣ 1606 г., надо полагать, въ Москвѣ и вошедшей въ составъ рукописнаго сборника XVII в., находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ¹⁾. Здѣсь, послѣ разсказа о походѣ Олега на Царьградъ, говорится: «и *посемъ* женися князь Игорь Рюриковичъ во Плескове, поя себе *княжну* Олгу, *дщерь Тмугарахана, князя половецкаго*». Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это сообщеніе не есть извѣстіе, почерпнутое изъ ка-

¹⁾ Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. Публ. Библіотеки. А. Ф. Бычкова Ч. I. стр. 153—154. Спб. 1882 г.

кого либо древняго источника, а собственное мнѣніе, собственное измышленіе автора краткой лѣтописи, москвича XVII в. Какъ онъ додумался отыскать отца Ольгѣ въ Тмутараканѣ, князѣ половецкомъ, а женитьбу Игоря на ней перенести на время послѣ похода Олега на Царьградъ,—это можно оставить безъ выясненія, хотя бы такое выясненіе и казалось возможнымъ. Для нашей цѣли достаточно указать на самый фактъ смѣлаго домысла московскаго лѣтописца XVII в., представляющій собою новыи примѣръ того какъ авторы *позднѣйшихъ краткихъ лѣтописей*, опускаая или сокращая пространныя легендарныя сказанія древнихъ лѣтописей, въ то же время не стѣснялись привносить къ нимъ *дополненія и поправки собственнаго сочиненія*, собственнаго авторскаго творчества и передавать ихъ въ совершенно положительномъ тонѣ. Словомъ, московскій лѣтописецъ XVII в. въ своемъ сообщеніи о половецкомъ происхожденіи Ольги представляется лишь болѣе смѣлымъ подражателемъ владимірскаго лѣтописца конца XV в. въ сообщеніи послѣдняго о болгарскомъ происхожденіи ея. Несравненно выше подобныхъ лѣтописцевъ стоитъ авторитетъ начальной лѣтописи, говорящей о русскомъ происхожденіи Ольги. Но въ вопросѣ о происхожденіи Ольги есть еще и другія стороны, въ разьясненіе которыхъ необходимо войти, какъ въ видахъ большаго освѣщенія главной стороны этого вопроса, т. е. болѣе твердаго констатированія факта русскаго происхожденія ея, такъ и въ надеждѣ достигнуть нѣкотораго разьясненія начальной, загадочной судьбы этой русской *плесковитыни*, или *псковитянки*, ставшей столько знаменитою въ нашей исторіи.

И. Малышевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).